

Старая ханукальная сказка

Морозным вечером возвращался печник Янкель домой. После трех стаканов вина, выпитых в подвальчике, на душе у него было весело. Он шёл и напевал старый еврейский псалм о спасенной душе Иосифа.

Проходя мимо дома своего старшего брата - лавочника Моисея, Янкель приостановился: за ярко освещёнными окнами раздавался смех, песни, визг детей... «Завтра веселый праздник!», - вспомнил Янкель и решил поздравить брата. — С праздником тебя! - громко и весело сказал он вышедшему навстречу Моисею. — Тише, тише! Пройди на кухню, посиди, я сейчас...

Янкель опустил на стул:

— Это ничего, что он не пригласил меня к гостям... Я и здесь кое-что выпью и закушу.

Через несколько минут он уже с наслаждением пил вино. Потом, не спеша, принялся за рыбу и румяные пончики.

— Хорошее, хорошее у тебя вино, брат, но рыба... Прости меня, но рыба эта - не еврейская. Вот если бы эту рыбу готовила моя Фейга, это была бы настоящая рыба. Нет, извини меня, но твоя Роза так и не научилась готовить рыбу и печь булочки. — Ладно, иди уже, иди! Придешь в другой раз...

Какая несправедливость, — сокрушался по дороге домой Янкель, — моя Фейга печет пончики — пальчики оближешь. Но муки нет, и ничего нет, и жизни нет...»

И тут он догнал раввина Иоселе, который шел, тяжело отдуваясь, часто останавливаясь и что-то бормоча себе под нос.

— Добрый вечер, уважаемый! С веселым вас праздником! Дай вам Бог всего наилучшего, и не болеть, радоваться сыну своему и больше думать о нас, бедных детях ваших!

— Тебе опять весело, Янкель? Хорошо же и легко ты живешь!

— Дорогой ребе, вы, как всегда, правы:

Янкель поспит в беседке,
Рад он ливню и граду,
Грошу и кладу,
Жене и соседке!

— Янкель, Янкель! Пропавшая твоя душа! Не думаешь ты о жене и детях, позоришь такого брата...

— Если я и виноват, уважаемый ребе, то только перед женой: женился — обещал золотые горы, а смог дать ей только девять детей, умных, хороших детей... Они все наше богатство... Но, ребе, старый, мудрый, справедливый ребе, разве это правильно, что отец учил брата, хотя учиться хотел не он, а я? Разве это правильно, что дом и все, что в доме, отец отдал только ему? Роза, дурнушка Роза, к тому же на восемь лет старше Моисея, ходит вся в золоте, а у моей красавицы Фейги даже к завтрашнему дню нет обновы. Ей не из чего испечь пончики, а у моих умных деток (не сглазить бы!) не будет цветных свечечек...

Хотя... Я сейчас вернусь в подвальчик, заложу обручальное кольцо, и мы-таки справим этот веселый праздник! Будьте здоровы, дорогой ребе!

— Никуда ты не пойдешь, Янкель. Все равно пропьешь кольцо, а бедная Фейга останется без муки.

— Моя Фейга?! Без муки?! Ни за что!

— Да погоди ты, послушай... Ко мне вчера приехал сын, он закончил учебу и будет ученым человеком. Зайдем ко мне. Я дам тебе и свечек, и муки, и мяса, и подарков детям, да и тебе с Фейгой что-нибудь найдется. А за это ты сложишь моему сыну в новом доме хорошую печку. Согласен?

— Дорогой ребе! Сам Господь послал вас мне. Я сложу вашему ученому сыну самую лучшую печку, какую только может сложить бедный Янкель!

Вскоре он был уже дома, видел счастливые глаза своей красавицы Фейги, слышал радостные возгласы своих дорогих детей, рассматривающих праздничные подарки. И хоть его уже очень тянуло к подушке, он взял измятый лист бумаги и четким каллиграфическим почерком написал: «ПРИГЛАШЕНИЕ». Спустя еще пару минут Янкель отдал написанное старшему сыну и приказал сейчас же нести послание Моисею-лавочнику. «Пусть-таки попробует настоящую рыбу и пончики!» — уже засыпая, подумал печник.